

РОЛАН БАРТ: ПАРАДИГМА, НЕЙТРАЛЬНОЕ, ДАО

Вероника Фурс

ROLAND BARTHES: THE PARADIGM, THE NEUTRAL, TAO

© Veranika Furs

Associate professor, European Humanities University (EHU)
17 Savičiaus Str., 01127 Vilnius, Lithuania

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8729-4168>
E-mail: veronika.furs@ehu.lt

Abstract: In one of his last courses in College de France, Roland Barthes returns to the structuralist notion of paradigm. But this time his goal is to outplay the paradigm, introducing the third term, that of the Neutral. In the article we shall try to capture Barthes's movement towards the Neutral, the way that is probably never going to end, because for Barthes the way, Tao, is the goal in itself: in fact, not even the Neutral, but Desire for the Neutral (unattainable, like any desire) is what motivates his course.

Keywords: the Neutral, paradigm, structuralism, daoism, figures of the Neutral.

О работах Ролана Барта сложно писать отвлеченно, дистанцируясь от фигуры самого автора. Академический стиль письма в данном случае приведет лишь к попытке сухого изложения тех или иных его идей, вписывания их в общий контекст эпохи, установления связей между отдельными этапами его творчества. И из такого изложения исчезнет, как представляется, основное – удивительная личность самого Барта, тесная связь отдельных моментов его персональной биографии и тех идей, которыми он так щедро делился в своих работах.

Говоря о Барте, сложно удержаться от использования субъективных эпитетов – блестящий, удивительный, страстный. Впрочем, сам Барт, возможно, был бы категорически против любых эпитетов – «я устал быть наделенным качеством», говорил он в курсе «Нейтральное», о котором как раз и пойдет речь в этой работе.

Барт, на самом деле, парадоксальным образом опровергает в своем собственном творчестве идею смерти автора, идею воз-

возможности понять произведение, не прибегая к биографическим данным его создателя. И в то же время именно «авторскость» работ Барта превращает их из произведений в тексты, когда прочтение, обеспеченное даже минимальным знакомством с его биографией, становится творческим актом рождения текста.

Структуралистское литературоведение, порывая с литературоведческими традициями предшествующей эпохи, опиралось на самоценность произведения самого по себе, без обращения к биографии писателя, к фигуре автора: «Удаление Автора (вслед за Брехтом здесь можно говорить о настоящем «очуждении» – Автор делается меньше ростом, как фигурка в самой глубине литературной «сцены») – это не просто исторический факт или эффект письма: им до основания преобразуется весь современный текст, или, что то же самое, ныне текст создается и читается таким образом, что автор на всех его уровнях устраняется» (Барт, 1989а, с. 387). В работе «Структурализм как деятельность» Барт обозначает две операции – членение и монтаж, – которые следует выполнять последовательно при исследовании объекта (в том числе, или, возможно, даже прежде всего, литературного произведения): «Целью любой структуралистской деятельности – безразлично, рефлексивной или поэтической – является воссоздание «объекта» таким образом, чтобы в подобной реконструкции обнаружились правила функционирования («функции») этого объекта. [...] Структуральный человек берет действительность, расчленяет ее, а затем воссоединяет расчлененное; на первый взгляд, это кажется пустяком [...]. Однако с иной точки зрения оказывается, что этот пустяк имеет решающее значение, ибо в промежутке между этими двумя объектами, или двумя фазами структуралистской деятельности, рождается нечто новое, и это новое есть не что иное, как интеллигибельность в целом» (Барт, 1989b, с. 255).

Во многом эта установка была унаследована и постструктурализмом с его опорой на понятие интертекстуальности, на погруженность отдельного текста в бесконечную ткань цитаций, на неустранимое многоголосие, оглушающее читателя.¹

¹ Любопытно, что для понимания и объяснения написанного была выбрана метафора, отсылающая не к визуальному восприятию текста, а к его слышанию, даже в том случае, когда мы используем органы зрения. Словно существует некий особый вид зрения, позволяющий в увиденном на странице услышать застывшие, замершие там голоса. «Пространство текста-чтения во всех отношениях сопоставимо с классической музыкальной партитурой. Членение повествовательной синтагмы [...] аналогично членению звукового потока на такты [...]. Семь, культурные цитации и символы эффектно звенят, громяхают и рокочат, напоминая гулкое, отчетливое звучание медных и ударных инструментов в оркестре. А вот загадка, разрешение которой все время оттягивается, а разгадка то и дело откладывается, напоминает мелодию, выводимую духовыми инструментами: они складываются в плавный напев, украшенный руладами, арабесками и заранее предусмотренными

Терри Иглтон так сформулировал отношение постструктурализма к фигуре автора: «В конце концов, биография автора является просто еще одним текстом, который не нуждается в приписывании ему особой привилегии – этот текст также может быть деконструирован. Перед нами язык, который говорит внутри литературы, во всем ее роящемся «полисемическом» множестве, – но не сам автор. Если существует место, где это бурлящее многообразие текста моментально фокусируется, то это не автор, а *читатель*» (Иглтон, 2010, с. 171).

Множественность текста и «мое я, примеривающееся к тексту» и являющееся «воплощенным множеством других текстов» (Барт, 1994, с. 20), – вот то, что, пусть и весьма упрощенно, характеризует постструктуралистский сдвиг.

Творчество Барта традиционно принято делить на три периода: деструктуралистский, структуралистский и постструктуралистский. Однако лекционный курс о Нейтральном, прочитанный в Коллеж де Франс весной 1978 года², как представляется, едва ли укладывается в эту периодизацию (впрочем, как и курс «Подготовка романа», прочитанный годом позже). В курсе о Нейтральном Барт вновь обращается к структурализму, к понятию парадигмы. Но целью этого обращения является не оправдание парадигмы, а, напротив, ее подрыв, попытка поколебать ее устойчивость. Сам Барт указывает в первой лекции курса, что парадигма понимается им в сосюрвовском смысле, как бинарная оппозиция. И его задача весьма амбициозна: попытаться разрушить парадигматичность западного мышления, его укорененность в бинарных оппозициях, попытаться найти тот третий термин, третий путь – Нейтральное. Нейтральное как то, что разрушает оппозицию и не содержит в самом себе возможность парадигмы. А значит, то, чему нет противоположности. При этом следует заметить, что Барт остается верен себе – в курсе о Нейтральном все тот же пафос демистификации, демифологизации псевдоочевидного, догматизма, систематизма, доксы, вечное сомнение. Но Нейтральное – это также и бартовский способ «мыслить иначе».

Всякая попытка каким-то образом обобщить, наложить готовую матрицу на сказанное в лекциях курса заведомо обречена на неуда-

ретардациями. [...] Текст-чтение – это тональный текст (привычка к нему позволяет читать его с той же свободой, с какой мы слушаем музыку: можно сказать, что существует *глаз*, приспособленный для чтения, подобно тому, как существует тональное ухо, так что разучиться читать равносильно тому, чтобы разучиться слышать тональность [...])» (Барт, 1994, сс. 41–42). И в этом, вообще-то, нет особого противоречия: сосюрвовское понятие означающего – это не что иное, как «акустический образ», «психический отпечаток звучания».

² Курс лекций «Le neutre» был прочитан Роланом Бартом в 1977/78 учебном году в Коллеж де Франс. Полный текст курса был опубликован в 2002 году, в сети можно также найти и аудиозаписи лекций курса.

чу. Потому что движение к Нейтральному, осуществляемое Бартом, на самом деле плохо поддается какой-либо систематизации, очерчиванию точного маршрута. Это словно путешествие без предварительного плана, путешествие, в которое Барт отправляется, движимый желанием Нейтрального. И сам Барт предстает совсем иным, не тем «картезианским» Бартом, привыкшим мыслить «ясно и отчетливо», но Бартом растерянным, потерянным и потерявшим и еще, как отмечает Тома Клерк в предисловии к курсу, профессором-художником³. Это личное, траур, который является фоном, провоцирует желание Нейтрального, которое, впрочем, лишь отчасти есть желание покоя. Покоя, в том числе от собственной, автобиографической парадигмы S/Z⁴. Но парадокс как раз в том, что и желание есть не что иное, как борьба.

Цель моей работы – выявить, каким образом Ролан Барт совмещает две парадигмы (структурализм и даосизм) в попытке объяснить свое понимание Нейтрального.

В соответствии с поставленной целью основное внимание в работе сфокусировано на нескольких словах-фигурах, рассматриваемых Бартом в курсе о Нейтральном. Это такие фигуры, как Тишина-Молчание, Прилагательное, Образы Нейтрального и Актив Нейтрального. Эти слова-фигуры Барт рассматривает через различные философские оптики, стремясь, с одной стороны, проявить коннотации, приобретаемые словами в процессе их истолкования в различных концепциях, а с другой – разрушить, по возможности, устойчивые парадигмы, в которых эти слова-фигуры укоренены благодаря традиции, в своей попытке добраться до Нейтрального.

Первая, основная задача, которая поставлена в этой работе, может быть сформулирована как попытка уловить бартовское движение к Нейтральному. Движение Барта – асимптотическое, обреченное никогда не достигнуть цели, недостижимое желание ее достичь. Понятие Нейтрального, представленное в лекционном курсе Барта, уже являлось предметом анализа и дискуссий в англо- и франкоязычных исследованиях⁵, однако в соответствии с поставленной задачей в данной статье сознательно делается выбор в пользу непосредственного иными оптиками прочтения «бартовского»⁶ текста.

³ «[...] с публикацией курса Нейтральное получает возможность [...] записать, производя иной образ Ролана Барта, уникальный в нашей литературе, – образ профессора-художника» (Clerc, 2002, с. 20).

⁴ Об автобиографичности S/Z см. текст М. Жиль «Ролан Барт, текст и жизнь».

⁵ См., в частности, статьи Пепрена (Perrin, 2014), Леколь (Lécole Solnyckine, 2015), Лонге Маркс (Longuet Marx, 1996), Парвулеску (Parvulescu, 2007).

⁶ Бартовского в кавычках, потому что изданная в 2002 году печатная версия курса представляет собой реконструкцию, включающую расшифровку аудиозаписей лекций и бартовских заготовок к лекциям (в том

Вторая, сопутствующая задача, или, точнее, вопрос, являющийся следствием исследовательского любопытства иного рода, может быть сформулирован таким образом: как возможно читать, по крайней мере, некоторые работы Барта (включая и тексты его университетских семинаров), которые, разумеется, являются не литературными, а, прежде всего, академическими, а значит, сами предполагают изначальную обезличенность (или, если угодно, объективность, или, может быть, точнее, критическую дистанцию по отношению к исследуемому объекту), именно как автобиографические (содержащие, возможно, не столько или не только факты его биографии, сколько то, что можно было бы обозначить как «автобиографические жесты»)?⁷ Иными словами и более кратко: как можно распознать бартовское автобиографическое в его критических работах? И можно ли осуществить «замедленную съемку процесса чтения», читая самого Барта? Эта задача будет осуществляться не последовательно, отчасти и, возможно, будет более полно реализована в будущем.

Опубликованный текст курса о Нейтральном содержит в том числе некоторые общие, «организационные» и, можно сказать, фатические, контактоустанавливающие фрагменты, как, например, указание на то, что курс состоит только из лекций по два часа каждая (с 10-минутной паузой между академическими часами) и будет читаться в течение 13 недель с перерывом на пасхальные каникулы. Все это сразу погружает в атмосферу университетской жизни с ее особыми ритмами. В то же время этот курс с самого начала разрушает наши привычные представления об университетских курсах, будучи формально курсом-монологом Барта и одновременно полифонией голосов Нейтрального, хором Нейтрального, представленного 30 словами-фигурами.

Сразу немного о названии: *Le Neutre* – Нейтральный, хотя в переводах обычно встречаем Нейтральное. И это уже само по себе симптоматично: отсутствие среднего рода во французском словно бы исключает саму возможность Нейтрального.

Но Барт уточняет в начале курса: «*Le Neutre, ou plutôt, le Desir de Neutre*» («Желание Нейтрального») (с. 25). Именно желание Нейтрального, вечный поиск, бесконечный путь, то, что сам Барт связывает с Дао: «одновременно путь, который необходимо пройти, и цель этого пути, метод и осуществление» – всякая фигура есть одновременно поиск Нейтрального и показывание (*monstration*) (≠демонстрация) Нейтрального. Парадоксальный порядок дискурсов без результатов или, скорее, не цензурирующих эффект, но не

числе 180-страничную рукопись курса). Подробнее об этом в предисловии к курсу (Clerc, 2002, с. 16). Сам же Барт не планировал издание курса (об этом см. ниже).

⁷ Под автобиографическими жестами я подразумеваю высказываемое прямо или ощущаемое отношение Барта к тому, о чем он пишет, и связанное в некоторых случаях с моментами его биографии.

заботящихся о результате. [...] Я не создаю концепт Нейтрального, я выкладываю Нейтральных на обозрение» (Barthes, 2002, с. 36).

Библиография представляет собой список трудов, на которые сам Барт опирался при подготовке курса, и содержит источники из самых разных областей: философии, литературы, теологии. И эта библиография является своеобразным свидетельством уникальности бартовского пути к Нейтральному, пути, которым мог пройти только он сам.⁸ и еще: пользуясь бартовской терминологией, мы можем здесь расслышать, распознать Голос Знания, но голос не обезличенный, а Голос Знания, принадлежащий Барту (или Голос Знания, принадлежащего Барту?).

Из чего происходит это Желание Нейтрального? И не кроется ли в этом как раз именно автобиографическое? Нежелание быть разрываемым между двумя полярностями, нежелание примкнуть ни к одной из них – ни S, ни Z. И даже обозначаая объект своего курса, Барт подчеркивает: «Я определяю Le Neutre как то, что нарушает устойчивость (déjoue) парадигмы, или скорее я называю Нейтральным все то, что нарушает устойчивость парадигмы. Поскольку я не определяю слово: я называю вещь – я собираю под одним названием то, что здесь является Нейтральным» (Там же, с. 31).

Разрушение парадигмы, но одновременно возврат к структурализму: «Я даю Нейтральному определение, остающееся структуральным. Тем самым я хочу сказать, что для меня le Neutre не возвращает к «оттенкам» серого, к «нейтральности», к безразличию. Нейтральный – мой Нейтральный – может возвращать к состояниям интенсивным, сильным, несслыханным. Разрушение парадигмы – это деятельность пламенная, обжигающая» (Там же, с. 32).

Желание Нейтрального – то, что для Барта составляет истину данного курса: «Курс существует, потому что имеется желание Нейтрального: пафос (патология?)».⁹

Но что именно есть желание Нейтрального? Барт определяет (а значит, ограничивает) это желание следующим образом:

⁸ Барт говорит об этом в лекции: «[...] Я выгулял le Neutre не по сетке слов, но по сети прочтений, то есть по библиотеке. Эта библиотека не является ни обоснованной (я не следовал какой-то библиографической программе [...]), ни исчерпывающей: бесконечная библиотека. [...] Итак, какая библиотека? Та, что в моем летнем домике, то есть в пространстве-времени, где утрата методологической строгости компенсируется интенсивностью и удовольствием свободного чтения. Описать эту библиотеку, объяснить ее происхождение было бы вторжением в биографию, семейную историю: библиотека некоторого субъекта = сильная, полная идентичность, «портрет»). Я бы сказал только упрощенно: классика (литература и философия) + «гуманистическая» модерность, заканчивающаяся на войне сороковых + побочный вклад случайных путешественников моей собственной жизни» (Barthes, 2002, сс. 33-34).

⁹ В оригинале игра слов (pathos – patho-logie): «Le cours existe parce qu'il y a un désir de Neutre: un pathos (une patho-logie?)» (Barthes, 2002, с. 38).

– приостановка (suspension) порядков, законов, обличений, выскомерий, терроризмов, требований;

– отказ от чистого дискурса оспаривания. Приостановка нарциссизма: больше не бояться изображений (имаго) – растворить собственное изображение (отсюда и обращение к Дао) (Там же, с. 38).

Желание Нейтрального создает парадокс – как объект, le Neutre есть приостановка насилия, но как желание – является насилием (Там же, с. 38). Парадокс желания Нейтрального также и в его «абсолютной сингулярности», заключающейся в том, что это желание «непродаваемо».¹⁰

Для Барта этот курс сопряжен с глубоко личным, автобиографическим: переживанием совсем недавней (25 октября 1977 года) смерти матери. И в его фразе «Мне надо продержаться 13 недель на неудержимом (l'intenable¹¹): затем все отменится» (Там же, с. 39) мы слышим другой голос – голос Личности. Сразу вслед за этой фразой Барт особо останавливается на автобиографическом в отношении Нейтрального. Автобиографическое, которое изменило весь первоначальный замысел курса: «Между моментом, когда я поделился с предметом этого курса (в прошлом мае), и тем, когда я должен был его подготовить, в моей жизни произошло, как некоторые знают, серьезное событие, траур: субъект, который будет говорить о Нейтральном, уже совсем не тот, который решил о нем говорить → Изначально, речь шла о том, чтобы говорить о снятии конфликтов, и мы об этом еще поговорим, поскольку объявление в Коллеже не изменилось; но под этим дискурсом, предмет и процедуру которого я представил, мне кажется, что сам я сегодня слышу, мимолетно, иную музыку» (Там же, с. 39).

В результате возникают два объекта, два Нейтральных, один просвечивает сквозь другой: «Первый Нейтральный, заявленный предмет курса, – это различие, отделяющее волю к жизни от желания обладать (vouloir-vivre / vouloir-saisir): воля к жизни тогда признается как трансцендентность желания обладать, уводящее далеко от надменности: я покидаю желание обладать, я обустроиваю волю к жизни. [...] Второй Нейтральный, имплицитный объект курса, это различие, которое отделяет эту волю к жизни, уже, однако, истощенную, от витальности. → Пазолини, в одной поэме¹² говорит, что ему остается лишь это: «отчаянная витальность» → отчаянная витальность, это ненависть к смерти» (Там же, сс. 39–40). Этот второй Нейтральный (двойник?) предстает в форме протеста: «Мне неваж-

¹⁰ «Меня спрашивают: «Вы сделаете книгу по этому курсу о Нейтральном? [...] Я отвечаю: “Нет, le Neutre не продается”» (Там же, с. 39).

¹¹ Новый французско-русский словарь предлагает в качестве одного из вариантов перевода l'intenable – неудержимый (разг.). И этот вариант в данном контексте представляется наиболее уместным.

¹² Имеется в виду поэма П.П. Пазолини «Отчаянная витальность» (Пазолини, 2015).

но знать, существует ли Бог или нет; но я знаю и буду знать до самого конца, что он не должен был бы создать одновременно и любовь, и смерть. Le Neutre, это неустранимое Нет (Non irréductible): Нет как застывшее перед заостренностями веры и достоверности и не разрушаемое ни той, ни другой» (Там же, с. 40).

Где Барт собирается искать Le Neutre? Предполагает ли этот поиск некий осязаемый, видимый результат, на который можно указать – «Вот Нейтральный». Скорее всего, ответ отрицательный (сам поиск и есть результат). Барт говорит о «Нейтральном в 30 фигурах»¹³, подчеркивая, что 30 слов-фигур – это череда фрагментов, но каждый фрагмент «не о Нейтральном, но такой, в котором, более широко, имеется Нейтральное, вроде как в рисунках-ребусах, в которых надо найти фигуру охотника, кролика и т.п. Словарь не определен, а мерцаний» (Там же, с. 35).

Слова-фигуры, взятые произвольно, не связанные между собой очевидной логикой, – осознанный выбор Барта: «Предполагаемый принцип неисчерпаемости: создать проективное пространство, без закона синтагмы. [...] Неупорядоченная последовательность фигур, требуемая самим Нейтральным, поскольку оно является отказом от догматизации: экспозиция недогматического не может сама быть догматической» (Там же, с. 35).

Еще одна, возможно, наиболее важная причина произвольности порядка рассмотрения фигур – избежать возможности возникновения смысла: «В каком порядке расставить фигуры, поскольку следует, чтобы смысл не возникал? Старый вопрос, задаваемый в каждой новой работе, в этом году более жизненный, поскольку Нейтральное лишено смысла: любой «план» (группирование по теме) относительно Нейтрального возвращается фатальным образом к противопоставлению Нейтрального и надменности, то есть к восстановлению парадигмы, устойчивости которой Нейтральное как раз стремится нарушить: Нейтральное стало бы дискурсивно членом антитезы: выставляясь, оно укрепляет смысл, который желало бы растворить» (Там же, с. 37).

Le Neutre, разрушающее парадигму: осознание того, что бинарность никогда не может быть невинной, беспристрастной, паритетной – всегда один из терминов оппозиции доминирует, подавляет другой и одновременно – способствует смыслопорождению. Отсюда и обозначение Нейтрального как третьего термина, вносящего разлад в парадигму, не участвующего в порождении смысла, а, скорее, разрушающего его. Но в какой мере разрушение парадигмы является гарантом того, что именно в этот самый момент не создается новая парадигма (а с ней и новый смысл)? Разрушение – это также и процесс борьбы, и ее результат. В разделе «Нейтральное» книги «Ролан Барт о Ролане Барте» читаем: «Нейтральное – это не что-то среднее между активным и пассивным, скорее, это

¹³ На самом деле в лекциях курса рассмотрены 23 фигуры Нейтрального.

возвратно-поступательное движение, неморальные колебания, то есть практически противоположность антиномии. [...] Внутри Нейтрального: «белое», освобожденное от всякой литературной театральности письмо – академический язык – восхитительная не-значимость – гладкость – пустота, бесшовность – проза (как политическая категория, в описании Мишле) – скромность – отсутствие «личности», если не отмененное вовсе, то доведенной до неприметности – отсутствие имаго – прекращение судов и суждений – смещение – отказ от поступков «для приличия» (отказ от всякого приличия) – принцип деликатности – дрейф по течению – наслаждение: все, что позволяет избежать, расстроить или сделать нелепым демонстративность, господство, устрашение. [...] Таким образом, Нейтральное – это не третий элемент, не нулевая ступень семантической и вместе с тем конфликтной оппозиции, в новом звене бесконечной цепи языка оно образует второй элемент новой парадигмы, чей первый, полносмысленный член составляет насилие (борьба, победа, театральность, надменность)» (Барт, 2002, сс. 149–150).

Итак, попробуем уловить в соответствии с первой задачей движение Барта к Нейтральному. В самом этом движении проявляется стремление «мыслить иначе», стремление выйти за пределы как парадигматичности западного мышления, так и его детерминированности. И важным является именно сохранить эту инаковость, ощутить вслед за Бартом вкус «мыслить иначе». Рассмотрим это на примере некоторых слов-фигур курса.

ТИШИНА-МОЛЧАНИЕ (LE SILENCE)¹⁴

Напомним, что Барт говорит о словах-фигурах, которые он вводит в своем курсе, не как о фигурах Нейтрального (то есть, примерах Нейтрального), но как о том, где может высветиться Нейтральное. Таким образом, Молчание ≠ Нейтральное.

С самого начала Барт говорит о Нейтральном в контексте парадигмы, а именно, как о том, что должно разрушить устойчивость парадигмы. В фигуре *Le Silence* Барт затрагивает 4 темы: парадигма *tacere/silere*, парадигма молчание/слово, молчание как знак и нарушение молчания.

Парадигма *tacere/silere*.

Tacere – вербальное молчание.

Silere – отсутствие движения и шума, спокойствие, тишина, молчание природы.

¹⁴ *Le silence* – переводится и как тишина, и как молчание. В бартовском контексте в большей степени уместен, вероятно, выбор в пользу «тишины», однако представляется обоснованным (опять-таки, вслед за рассуждениями самого Барта) в переводе указать оба слова Тишина/Молчание.

«В общем, *silere* охотно отсылает к своего рода вневременной девственности вещей до того, как они рождаются, или после того, как они исчезают (молчаливые = мертвые)» (Barthes, 2002, с. 49).

Барт последовательно обращается к различным трактовкам парадигмы молчание/тишина, исследует ее в контексте христианской мистики (Бёме) и в контексте власти.

1. Мистическая трактовка парадигмы *tacere/silere*. Барт упоминает здесь понимание бога Я. Бёме – бог в себе, «вечность спокойная и немая». Но также и непознаваемая: «Однако *le silere* бога Бёме делает его непознаваемым, поскольку *silere* в итоге = состояние без парадигмы, без знака. Бог без парадигмы не может манифестировать себя, раскрыться даже для самого себя: чистая воля поддерживается как ничто» (Там же, с. 49). И бог создает себе и в самом себе парадигму, обеспечивает себя своей противоположностью – природой, чтобы манифестировать себя: появление Слова и раздвоение молчания (появление парадигмы). Но: «*Tacere* [...] как молчание слова противопоставляется *silere* как тишине природы или божественного, затем, последнее превращение, оба отождествляются (уравниваются), становятся синонимами, но в пользу смысла *tacere*: природа в своем роде приносится в жертву слову: молчание есть уже лишь таковое слова» (Там же, с. 50).

2. Парадигма *tacere/silere* в контексте власти: право на слово и одновременно право на молчание. То, что традиционно ассоциируется с властью, – это свобода слова, свобода выражения. Но Барт разрушает эту ставшую общепринятой ассоциацию. В данном случае речь идет не о праве на слово, а о праве на молчание. «Проблема, которая занимает передний край сцены: требование слова, притеснения слова. Но за сценой, или в глубине, сбоку, другое требование стремится заставить себя услышать (но как?): право на молчание [...]. Право замолчать, право не слушать: сегодня это звучит парадоксально. И здесь, наоборот: то, что принимает форму коллективного требования, почти политического – в любом случае, испытывающее угрозу со стороны политики, – это право на спокойствие природы, право на *silere*, но отнюдь не право на *tacere*: мы обнаруживаем здесь экологию, экологическое движение; но охота на загрязнения (*pollution*) [...] не касается или пока не касается, во всяком случае, насколько мне известно, загрязнения словом, загрязняющих слов → *le tacere* как право все еще находится на самом крайнем краю (вот где должно быть настоящее сражение). → Нейтральное = постулированию права замолчать – возможности замолчать» (Там же, сс. 50–51).

Так нарушается устойчивость парадигмы тишина/молчание, через введение третьего – нейтрального – права замолчать.

Парадигма молчание/говорение. Итак, *silence* – это молчать, не говорить, и Барт обозначает две тактики молчания.

1. Замолчать как мирская (*mondaine*) тактика.

Молчание – как способ избежать ловушек слова.

Молчание может быть внешним: общим (неразговорчивый человек) и конкретным (умалчивать по поводу чего-либо, переводя разговор на другую тему).

С точки зрения семиологии, молчание не является знаком, поскольку не отсылает к означаемому, молчание, отмечает Барт, скорее синтагматическая ценность (*valeur*), но: «синтагматическая ценность в полифонии, как минимум с тремя значениями: то, что я думаю, + то, что я говорю или не говорю, + то, что воспринимает другой (поскольку мое «молчание» не воспринимается как «молчание»)» (Там же, с. 52).

Но молчание может быть знаком: имплицитное и молчание как его индекс.

«Помещенное в поле мирского, социальности (а что может быть более социальным, мирским, чем язык), имплицитное (и молчание как его «индекс») участвует в мирском сражении: это поливалентное оружие. [...] Действительно, во всех тоталитарных обществах имплицитное является преступлением, поскольку имплицитное – это мысль, избегающая власти, следовательно, это нулевая степень, значащее место, джокер любого преступления» (Там же, с. 52).

2. Молчание как обязательство внутренней морали: молчание скептика.

«Речь идет о молчании психологическом (касается души), логическом (выводится из противоречивости «истин») и этическом (нацелено на отдых, атараксию). Обратим внимание, что скептическое молчание – это молчание не закрытого рта (скептики говорят, как и все остальные), но молчание мысли, разума, имплицитной системы, которая лежит в основе и артикулирует любую философию, любую декларацию, любой неслучайный дискурс → То, что отвергается, – это слово систематическое (догматическое); в крайнем случае, можно было бы говорить, что «болтовня» как дискурс чистой случайности есть форма молчания – разрушитель слов (это следует говорить с осторожностью, поскольку болтуны – страшные зануды)» (Там же, с. 54).

Молчание как знак.

1) Молчание есть означающее полного означаемого: молчание как невысказанное требование и суверенитет.

2) Молчание, взятое в парадигме «расширенной», то есть парадигматическое и синтагматическое одновременно: те, кто молчат ≠ тем, которые говорят¹⁵. «Заметим парадокс: молчание становится знаком, только если его заставляют говорить, если его дублируют словом, объясняющим, дающим ему смысл» (Там же, с. 55).

¹⁵ Барт цитирует «О достоинстве и приумножении наук» Ф. Бэкона, рассказывающего о греческом философе (речь идет о Зеноне Стоике), который на вопрос о том, в чем его мудрость по сравнению с другими философами (усердно стремившимися продемонстрировать свои достоинства), ответил, что его достоинство в умении молчать (Barthes, 2002, с. 55).

Парадокс, согласно Барту, заключается как раз в том, что молчание становится знаком только тогда, когда его заставляют говорить.

Нарушение молчания.

1. Если молчание – это знак в парадигме молчать-говорить, то чем тогда будет Нейтральное? Каким образом в данном случае Нейтральное ослабляет, разрушает парадигматическую (бинарную) жесткость? Парадигма мыслится Бартом как систематическое, догматическое – устойчивое. Соответственно, Нейтральное будет заключаться в том, чтобы молчать не постоянно (то есть систематически), но время от времени нарушая молчание – «минимальной ценой совершения речи, стремящейся нейтрализовать молчание как знак». Устранение систематизма: «чтобы игра речи и молчания не была систематической: чтобы, противореча догматическому слову, мы не производили такое же догматическое молчание» (Там же, с. 56).

Наконец, проблема внутреннего молчания: «Есть то, что говорит во мне. И, значит, существует проблема внутреннего молчания. Субъект является только речевой деятельностью (речью), последнее молчание внутреннего слова может находиться, отыскиваться, воскрешаться в памяти только в пограничной зоне человеческого опыта, там, где субъект играет со своей смертью» (Там же, с. 57). Еще одна парадигма: внутреннее молчание / внутреннее говорение (речь). Эта парадигма представлена Бартом в четырех контекстах (образах).

1. Христианская мистика / католическая церковь. Церковь, для которой речь необходима (молитва), и христианская мистика, стремящаяся остановить речь.

2. Пирронианцы. «Взывание к моральному сознанию (аутентичному в силу своего «внутреннего» или «личного» характера), которое больше вообще не говорит, даже тихо. [...] Еще более молчаливым, чем моральное сознание стоиков-моралистов: невозможно сказать, чем оно является, потому что оно само вообще ничего не говорит» (Там же, с. 57).

3. Дзен. Недоверие к теоретической вербализации: понимание буддизма ≠ пониманию пути.

4. Даосизм. Здесь вновь мы обнаруживаем парадокс: знание дао ≠ говорению о нем¹⁶. Для Барта это как раз едва ли не самая точная характеристика его Нейтрального (при том что Нейтральное вообще вряд ли поддается какой-либо характеристике): «Заметим всегда такую же апорию Нейтрального: чтобы заставить узнать, чтобы установить, как можно более легко, это самое *не говорить*, следует проговорить его в определенный момент. Нейтральное = невозможное: говорить его – значит разрушать его, но не говорить его – значит упускать его “конституирование”» (Там же, сс. 57–58).

¹⁶ Барт цитирует Лао-Цзы: «Тот, кто знает Дао, не говорит о нем; тот, кто о нем говорит, не знает его» (Barthes, 2002, с. 57).

Достижение интегрального молчания (внутреннего) – не судить и не говорить (внешнее молчание), переходящее в не судить и не говорить мысленно (внутреннее молчание). «Это интегральное молчание уже не только *le tacere*, но шитое с *le silere*: молчание всей природы, распыление человека-факта в природе: человек был бы словно шум природы (в кибернетическом смысле), какофония. Но всегда все та же апория: чтобы сказать эту какофонию, мне необходим курс» (Там же, с. 58).

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Фигура, в которой, на первый взгляд, нет места Нейтральному.

Прилагательное – это всегда оценка, оценивание, сужение, сведение вещи, бытия к какой-либо отдельной характеристике, наделение предикатом. Барт называет прилагательной анти-Нейтральным, контр-Нейтральным. Прилагательное словно намертво запечатывает бытие (отсюда бартовская метафора прилагательного как могильной плиты). Но вместе с тем прилагательное амбивалентно: это не только анти-Нейтральное, но и то, где есть место Нейтральному. Речь идет о субстантивированных прилагательных, образованных в результате присоединения к ним артикля: «в греческой философской традиции прилагательное соединяется с Нейтральным (с артиклем *to*), чтобы визировать бытие; часто у Гераклита: сухое, влажное и т. д., воспроизводимое без остановки в романских языках (с артиклями); истинное, прекрасное и т. д.; и даже выделенное Бланшо, когда тот захотел теоретизировать Нейтральное. В итоге хотя язык (с артиклями) хочет выразить Нейтральное субстанции, он не находит субстантива, но лишь прилагательное, и дезактивирует его посредством артикля в Нейтральное: он сражается с прилагательным посредством субстантива (произведенного артиклем) и с субстантивом (то, что следует за артиклем) посредством прилагательного» (Там же, с. 85). Субстантив – еще не совсем существительное, но уже и не вполне прилагательное – парадигматическое «между», «незаконнорожденная грамматическая сущность» парадигмы, Нейтральное как непредикативное.

Далее Барт предпринимает, как представляется, парадоксальный ход: он словно делает попытку «предиктировать» прилагательное, исследуя его через приписывание ему различных качеств.

Качество (прилагательное) как энергия.

Здесь Барт исследует понятие «квалитас», как оно трактуется Бёме: энергия, сходящая на вещи, делающая их различимыми, специфический нюанс.

Качество не является «мирным», качество – это желание. Здесь Барт вновь ссылается на Бёме, называя его сторонником платоновского Кратила. Качество стремится объединиться с другими качествами, Барт называет это «любовной битвой качеств между собой» (Там же, с. 87). И это опять возвращает нас к парадигме: «Произво-

дится структуральная, парадигматическая игра между качествами; то есть два противоположных качества + качество, которое комбинирует их, успокаивает, – это А и в парадигмы А/В: комплексный термин»¹⁷ (Там же, с. 87). Но этот комплексный термин не является Нейтральным. Нейтральное – это ни А, ни В.

Что же тогда может быть Нейтральным в данном случае? Барт говорит: «Каково мышление о Нейтральном в этой системе? = отражение амбивалентности, упомянутой вначале: 1. = помыслить вещи как не имеющие предиката, поскольку объект исчезает в пользу качества: мир качеств, а не субстанций, наделенных качествами, имеющих предикаты. Вот что есть мыслить некое Нейтральное. 2. Но это Нейтральное остается конфликтным, чувствительным к борьбе яростных сил, восстающих друг против друга: срок годности конфликтного истекает не через прекращение, уклонение, отмену парадигмы, но через изобретение третьего термина – термина комплексного, но не термина нулевого, нейтрального» (Там же, с. 88).

Агрессия посредством прилагательного.

Прилагательное не просто закрывает, ограничивает вещь, обеспечивая ей определенность (форму?), прилагательное – это то, что придает вещи ценность как товару, потому что, как говорит Барт, «во многих областях спорят и решают относительно товарной ценности предмета, услуги в зависимости от прилагательных, которые к ним добавляют» (Там же, с. 88). В этом смысле прилагательное, в глазах Барта, агрессивно («я всегда воспринимаю прилагательное плохо, как агрессию» (Там же, с. 88)).

В этой оптике прилагательное может быть обесценивающим или же хвалебным.

Обесценивающее прилагательное, приходящее извне, помещает вещь (а точнее, в данном случае, Барт говорит о субъекте и о себе как о субъекте) в парадигму оценивающий/оцениваемый¹⁸. И здесь вновь прорывается нечто из бартовского личного, из его желания покоя: «Прилагательное, пришедшее из моего внешнего, мешает

¹⁷ Барт приводит пример парадигмы едкое/нежное (doux) – соединение первого и второго дает «горькое». Горькое, однако, не является Нейтральным.

¹⁸ «[...] Адъективируя меня как «ценного», другой помещает себя в парадигму, он адъективирует себя как «простого», «прямого», «искреннего», «мужественного»; и эта парадигма (я-плохой/он-хороший) соответствует симметричной инверсированной парадигме: я могу адъективировать себя не как ценного, но как субтильно-деликатного, и с этого момента адъективировать его как невоспитанного, грубого, ограниченного, жертву мужескости → формально две ценностные парадигмы организуются, «работают» как турникет: это+/другой-, это и другой взаимозаменяются в соответствии с местом высказывания → бесконечный ход, диалектика с двумя терминами, головокружение без передышки, потому что турникет исключает передышку, приостановку, Нейтральное. Я оказываюсь удерживаемым в утомительности парадигмы» (Barthes, 2002, с. 89).

Нейтральному, в котором я нахожу свое спокойствие: я устал быть наделенным качеством (*d'être qualifié*), предикатом, я отдыхаю, не будучи таковым. [...] Субъективно, как субъект, я никогда не чувствую себя адъективированным, и именно этот род адъективной анестезии основывает во мне постулирование Нейтрального» (Там же, с. 89).

Хвалебное прилагательное, комплимент ничуть не лучше прилагательного обесценивающего – опять же, по причине своей агрессивности. «Комплимент доставляет удовольствие, он не успокаивает, он не дает отдыха → в полученном комплименте есть, видимо, движение нарциссического щекотания; но по прошествии (быстром) этой первой минуты комплимент, не ранив (не стоит преувеличивать), становится неудобным [...]» (Там же, с. 89).

Комплимент, как и обесценивающее прилагательное, агрессивен и в каком-то смысле вызывает схожий эффект – комплимент, как говорит Барт, «компрометирует».

Итак, прилагательное – это то, от чего, по мысли Барта, следует отказаться. Но каков характер этого отказа? Отказ от прилагательного Барт приравнивает к нравственной практике. Прилагательное следует подавлять, потому что оно несовместимо с объективностью. Каким образом это сделать? Барт обозначает 4 опыта подавления предикации, постановки предикации под сомнение: любовный дискурс, учение софистов, негативная теология и восточная мудрость.

В любовном дискурсе влюбленный, чувствуя, что ни один предикат не способен передать уникальность объекта его желания, переходит от полиимии (многоименности) к анонимии, отказу от имени.

У софистов – аргумент Антисфена: ничто не может быть атрибутировано бытию, кроме его собственного наименования.

В негативной теологии – весь мистический опыт состоит в том, чтобы не предикировать бога.

Восточная мудрость: Дао непознаваемо, в противном случае оно бы утратило свой характер абсолютного и стало бы субъектом утверждения или отрицания.

Но означает ли все сказанное выше, что Барт призывает к уничтожению прилагательного, к отказу от него? Вовсе нет! В конце своих рассуждений о прилагательном он говорит о времени прилагательного, о прилагательном как о приманке, которая не является вечной, но оттого и доставляет удовольствие. «[...] Как минимум, мы можем признать, что есть время приманки, время прилагательного. Возможно, Нейтральное и есть это: принять предикат как простой момент – время» (Там же, с. 94).

ОБРАЗЫ НЕЙТРАЛЬНОГО

Еще одна фигура. Но напрасно ожидать, что вот здесь нам наконец-то покажут Нейтральное. Образы Нейтрального связаны с восприятием его в западном мышлении, причем в большей степени

в мышлении догматическом, в доксе. Практически все эти образы – негативные, уничижительные (Там же, сс. 103–106).

1. Неблагодарный/неприятный (Ingrat). То, что не соблазняет, не привлекает и, возможно, даже вызывает раздражение.

2. Ускользающий, избегающий (Fuyant). Субъект, избегающий ответственности. Избегающий конфликта (а следовательно, парадигмы).

3. Приглушенный, войлочный (Feutré). Нехватка искрения, живости, проявления чувств.

4. Вялый (Flasque). Барт цитирует «Наставление к блаженной жизни» Фихте: «Такие люди не считают ничего истинным и ничего – ложным; они ничего не любят и ничего не ненавидят»¹.

5. Безразличный (Indifférent). Нейтральное как индивидуализм в противовес коллективности, декаданс, деполитизированность и, в конечном счете, скептицизм.

6. Подлый /неблагородный (Vil). То, что противопоставляется благородному. Здесь Барт вновь возвращается к фигуре молчания, «плохое» молчание – молчание скептика, «хорошее» молчание – у Парменида².

В целом все эти «дурные образы» Нейтрального в западном догматическом мышлении связаны с неприятием философского скептицизма и с грамматикой. Барт называет скептицизм «официальным пространством Нейтрального» (Там же, с. 106). В грамматике же Нейтральное – ни мужское, ни женское; ни активное, ни пассивное, а следовательно, лишённое привлекательности (в том числе сексуальной). Для Барта совершенно очевидна бесполезность протеста против этих образов, но это не означает в то же время их принятие. Все, что следует сделать, – это сместить парадигму. «“Мужественность”, или недостаток мужественности, я охотно заменяю витальностью. Есть витальность Нейтрального: [...] в желании жить, но вне желания обладать» (Там же, с. 106). Вновь – отчаянная витальность, как называет ее Барт вслед за Пазолини³.

АКТИВ НЕЙТРАЛЬНОГО

И вновь отсылка к поэме Пазолини – что можно поставить в актив Нейтральному? Какова эта отчаянная витальность? Эта фигура, актив Нейтрального, – ответная реакция на «дурные образы» Нейтрального: «Мы видели фигуры «Образы Нейтрального»: образы обесценивающие расхожего мнения, дурные образы – здесь это

¹ Здесь цит. по русскоязычному переводу (Фихте, 1997, с. 92).

² «[...] Это молчаливая «уверенность», молчаливое знание невыразимого абсолюта» (Barthes, 2002, с. 105).

³ Барт цитирует концовку поэмы П. Пазолини «Отчаянная витальность». Цитата приводится в переводе К. Медведева: «Господи, но что же тогда можно поставить вам в заслугу?» [...] «Мне? Отчаянную витальность» (Пазолини, 2015).

будут: хорошие образы, приходящие не из мира, но из нескольких разрозненных (изолированных) «мыслей» (Дао-Бланшо), и в особенности образы во мне – мое воображаемое Нейтрального» (Там же, с. 117).

1. Воздерживаться от желания корректировать. Любая корректировка как желание заместить собой другого, желание апроприации.

2. Отсутствие боязни заражения. В данном случае имеется в виду идеологическое заражение, заражение идеологией.

3. Отсутствие стремления добиться славы. Слава всегда подразумевает иерархию – лучший среди прочих, уникальный, единственный. Вместо этого – «отрицание всего уникального и, однако, признание несравнимого» (Там же, с. 118).

4. Связь с настоящим. Настоящее здесь противопоставляется современному. Барт приводит пример Дао как искусства бытия в мире.

5. Принятие банальности. Довериться банальности, принять ее, прежде всего, в отношении смерти – «Нейтральное было бы самым движением, не доктринальным, не эксплицитным и в особенности не теологическим, которое нацелено на определенную мысль о смерти как банальной, поскольку то, что является непомерным в смерти, – это ее банальность» (Там же, с. 119).

6. Слабость. Барт предлагает даосистскую трактовку, сдерживать себя, чтобы смочь понять других.

7. Сдержанность. Правило Дзен, касающееся сдержанности тела. Опережение духом тела.

8. Глупость. И снова Дао – мудрец, имеющий глуповатый вид, чтобы не выделяться, не привлекать к себе внимания. Правило Нейтрального – мудрость как водяные знаки, проступающие, а не бросающиеся в глаза.

Перечисление достоинств Нейтрального Барт завершает игрой в Китайский портрет. Это игра, в которой надо угадать вещь по ассоциации с другими вещами. Барт предлагает поиграть с Нейтральным. Нейтральное как не называемое прямо, но проступающее в ассоциациях. Что, в свою очередь, возвращает нас к фигуре ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ, в которой Барт, отвергая предикацию, отдает предпочтение метафоре: «метафора не обладает «опасностями» прилагательного: она является не приложением, эпитетом, комплиментом, но скольжением (то, что означает ее название, – греческое, перенос)» (Там же, с. 91).

Итак, попробуем подвести некоторые итоги. Можно ли дать однозначный, конкретный ответ, что такое Нейтральное Барта? Можно ли инструментализировать Нейтральное, сделать его концептом, пригодным для анализа? Вряд ли. Прежде всего, потому, что это означало бы вступить в противоречие с самим замыслом автора «не создавать концепт Нейтрального, но выкладывать Нейтральных на обозрение». Этот курс предлагает нам своеобразный синтез даосизма и структурализма, точнее, попытку разрушить

устойчивость парадигмы при помощи практики дао. В глобальном плане можно, видимо, сказать, что Барт сталкивает между собой две парадигмы мышления – западное, догматическое и телеологическое, и восточное, ориентированное на процесс, искусство бытия в мире, бесконечный путь ради самого пути. Но именно это столкновение и позволяет Барту высветить Нейтральное. И то же самое можно, пожалуй, сказать и о самом курсе: это не даосизм и не структурализм, это не попытка навязать или предпочесть один стиль мышления другому, это не бинарная оппозиция запад/восток: ни то, ни другое = Нейтральное (?).

И последнее: еще немного о Кодах. Бартовский текстуальный анализ предлагал обнаружение кодов, или Голосов, сплетающихся в тексте. Но речь шла, прежде всего, а может быть, и исключительно, о литературе. Тем не менее можно предположить, что эти Голоса обнаруживаются и за пределами литературы. В курсе о Нейтральном мы также можем распознать бартовские коды, и один из них – код Загадки, которую так и не удастся разгадать до конца (возможно, потому, что именно таково и было намерение автора): что же все-таки такое Нейтральное?

Литература

- Барт, Р. (1989a) Смерть Автора. В: Барт, Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Москва: Издательство «Прогресс», сс. 384–391.
- Барт, Р. (1989b) Структурализм как деятельность. В: Барт, Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. Москва: «Прогресс», сс. 253–261.
- Барт, Р. (1994) S/Z. Москва: РИК «Культура», Издательство Ad Marginem, 303 с.
- Барт, Р. (2002) *Ролан Барт о Ролане Барте*. Москва: Издательство Ad Marginem, 288 с.
- Иглтон, Т. (2010) *Теория литературы: Введение*. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 296 с.
- Пазолини, П.П. (2015) Отчаянная витальность. [онлайн] Сеанс. Доступ по: https://seance.ru/blog/chtenie/vitalnost_pasolini/ [Просмотрено 27 февраля 2019].
- Фихте, И. Г. (1997) *Наставления к блаженной жизни*. Москва: Издательство «Канон+», 400 с.
- Barthes, R. (2002) *Le Neutre, Cours au Collège de France (1977/1978)*. Paris: Seuil/IMEC, 272 p.
- Clerc, T. (2002) Préface. En: Barthes, R. (2002) *Le Neutre, Cours au Collège de France (1977/1978)*. Paris: Seuil/IMEC, 2002, pp. 15–20.
- Lécole Solnychkine, S. (2015) La fabrique du Neutre. [online] *Implications Philosophiques*. Available at: <http://www.implications-philosophiques.org/actualite/une/la-fabrique-du-neutre/> [Accessed 12 March 2019].
- Longuet Marx, A. (1996) Des paradoxes du neutre: de la déprise à la prise. [online] *Communications*, no. 63. Available at: https://www.persee.fr/doc/comm_0588-8018_1996_num_63_1_1967 [Accessed 12 March 2019].

- Parvulescu, A. (2007) The Professor's Desire: On Roland Barthes's The Neutral. [online] *Women, Gender & Sexuality Studies Research*. Paper 24. Available at: <http://openscholarship.wustl.edu/wgss/24> [Accessed 12 March 2019].
- Perrin, C. S. (2014) Roland Barthes et le Neutre. [online] *Claude Stéphane Perrin*. Available at: <http://www.eris-perrin.net/2014/06/roland-barthes-et-le-neutre.html> [Accessed 12 March 2019].

References

- Barthes, R. (1989a) *Smert' Avtora* [The Death of the Author]. In: Barthes, R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Izdatel'stvo «Progress», pp. 384–391.
- Barthes, R. (1989b) *Structuralism kak deiatel'nost'* [The Structuralist Activity]. In: Barthes, R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Izdatel'stvo «Progress», pp. 253–261.
- Barthes, R. (1994) *S/Z*. Moscow: RIK «Cultura», Izdatel'stvo «Ad Marginem». 303 c.
- Barthes, R. (2002) *Rolan Bart o Rolane Barte* [Roland Barthes by Roland Barthes]. Moscow: Izdatel'stvo «Ad Marginem». 288 c.
- Eagleton, T. (2010) *Teoriya Literatury: Vvedenie*. [Literary Theory: An Introduction] Moscow: Izdatel'ski dom «Territoria budushchego». 269 p.
- Pasolini, P.P. (2015) *Otchayannaya vital'nost'* [A Desperate Vitality]. [online] *Seance*. Available from: https://seance.ru/blog/chtenie/vitalnost_pasolini/ [Accessed 27 February 2019].
- Fichte J.G. (1997) *Nastavlenia k blazhennoi zhizni* [The Way Towards the Blessed Life]. Moscow: Izdatel'stvo «Canon+». 400 p.
- Barthes, R. (2002) *Le Neutre*, Cours au Collège de France (1977/1978), Paris: Seuil/IMEC, 2002. 272 p.
- Clerc, T. (2002) Préface. En: Barthes, R. (2002) *Le Neutre*, Cours au Collège de France (1977/1978), Paris: Seuil/IMEC, 2002. Pp. 15–20.
- Lécole Solnychkine, S. (2015) *La fabrique du Neutre*. [online] *Implications Philosophiques* Available from: <http://www.implications-philosophiques.org/actualite/une/la-fabrique-du-neutre/> [Accessed 12 March 2019].
- Longuet Marx, A. (1996) *Des paradoxes du neutre: de la déprise à la prise*. [online] *Communications*, no 63. Available from: https://www.persee.fr/doc/comm_0588-8018_1996_num_63_1_1967 [Accessed 12 March 2019].
- Parvulescu, A. (2007) The Professor's Desire: On Roland Barthes's The Neutral. [online] *Women, Gender & Sexuality Studies Research*. Paper 24. Available from: <http://openscholarship.wustl.edu/wgss/24> [Accessed 12 March 2019].
- Perrin, C.S. (2014) Roland Barthes et le Neutre. [online] Available from: <http://www.eris-perrin.net/2014/06/roland-barthes-et-le-neutre.html> [Accessed 12 March 2019].